

В диссертационный совет
Д 170.001.002 при Академии
Генеральной прокуратуры
Российской Федерации
123002, Москва,
ул. 2-я Звенигородская, 15

О Т З Ы В

На автореферат диссертации Сычева Дмитрия Анатольевича на тему «Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс».

Актуальность темы диссертационного исследования Сычева Д.А. предопределена совершенствованием деятельности органов прокуратуры Российской Федерации в условиях разработки и становления современной концепции уголовно-процессуального законодательства.

Кроме того интерес и значимость выбранной темы объясняется и тем, что исторически в российском уголовном процессе прокурор являлся основной фигурой, осуществляющей уголовное преследование и надзор за процессуальной деятельностью органами предварительного расследования. Функция прокурора в уголовном судопроизводстве, определяющая его отношения со следователем и дознавателем и формы контроля за законностью и обоснованностью следственных действий, на протяжении длительного времени была предметом острой научной полемики. Не завершилась она с принятием УПК РФ, уделившего внимание этой проблеме. Согласно ст. 37 УПК, прокурор является должностным лицом, уполномоченным осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного

следствия. Уголовное преследование это, как сказано в п. 55 ст. 5 УПК, процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Но как оно соотносится с надзором за органами расследования? Позиции исследователей по этому вопросу весьма различны. Некоторые считают, что надзор есть самостоятельная функция прокурора, не совпадающая с функцией уголовного преследования, ибо оба направления деятельности прокурора имеют разные цели: обеспечение законности процессуальной деятельности и изобличение виновных лиц. По мнению других, надзорную деятельность прокурора, невозможно оторвать от уголовного преследования, так как оно осуществляется именно путем реализации надзорных полномочий. Используя их, прокурор направляет деятельность органов расследования к изобличению виновных лиц, обеспечивая при этом объективность конечных выводов и предотвращая возможные ошибки и нарушения закона.

Особая роль прокурора в уголовном судопроизводстве логичным образом вытекает и из отечественной уголовно-процессуальной доктрины, характеризующей отечественный уголовный процесс как смешанный, сочетающий состязательность (на основе которой построено судебное разбирательство) с розыскными началами (которые преобладают в досудебных стадиях).

Эксперимент законодателя связанный с идеей замены прокурорского надзора ведомственным процессуальным контролем руководителя следственного органа (изменения, внесенные федеральным законом N 87-ФЗ от 5 июня 2007 года в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и закон «О прокуратуре Российской Федерации») оказался спорным как с точки зрения объективной возможности обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов личности и качественное расследование преступлений, так и в том, что оторвал деятельность прокурора по осуществлению уголовного преследования в судебном производстве от деятельности по формированию обвинения в досудебном производстве, которое должен поддерживать прокурор. Нельзя не признать, что реформа предварительного следствия, проведенная Законом № 87-ФЗ, существенно ослабила обвинительную власть, лишив ее носителя - прокурора многих полномочий, необходимых для успешного осуществления уголовного

преследования, в том числе и тех, которыми был наделен его далекий предшественник. Теперь прокурор не имеет права возбудить уголовное дело, т.е. начать уголовное преследование, не может он непосредственно руководить расследованием, обеспечивая целенаправленность уголовного преследования (эти полномочия переданы руководителю следственного органа). У прокурора недостаточно прав добиться начала уголовного преследования в случае, когда следователь отказал, по мнению прокурора, необоснованно в возбуждении уголовного дела, не имеет прокурор и возможности прекратить при наличии оснований уголовное дело (что явно противоречит мысли о том, что прокурор - "хозяин" уголовного преследования и вправе им распоряжаться, мысли, реализованной ч. 7 ст. 246 УПК, согласно которой отказ прокурора от обвинения в суде влечет за собой обязательное прекращение дела). Единственным исключением из этого запрета осталось (видимо, по недосмотру законодателя) предусмотренное п. 3 ч. 4 ст. 439 УПК право прокурора прекратить уголовное дело, представленное ему с постановлением следователя о направлении дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

Вышеуказанные новеллы законодателя не нашли своей однозначной поддержки и в среде практических работников, которые сознавая, что успешное осуществление прокурором уголовного преследования невозможно без реализации им соответствующих полномочий, не без оснований ставят вопрос о возвращении прокурору ряда имевшихся у него полномочий.

Заслугой Сычева Д.А. является то, что он в своей диссертации, как это видно из содержания автореферата, предпринял попытку найти оригинальное научное решение этой проблемы. С опорой на концепцию обвинительной власти, выдвигаемую рядом отечественных ученых, диссертант предлагает признать за функциями прокурора по надзору и уголовному преследованию роль ведущих и исключительных и обосновывает, прежде всего, необходимость возврата прокурору полномочий по самостоятельной квалификационной оценке (юридизации) преступного деяния на всех этапах досудебного производства по уголовному делу.

В качестве такого решения он предлагает наделить прокурора правом самостоятельного выдвижения обвинения (подозрения) [в т.ч. путем вынесения постановления о привлечении лица в качестве

обвиняемого и уведомления лица о подозрении], правом оценки правильности и корректировки данной органом расследования квалификации деяния инкриминируемого подозреваемому (обвиняемому) [в т.ч. путем дачи указаний о квалификации, частичной или полной отмены постановления о привлечении в качестве обвиняемого (уведомления о подозрении) либо иных постановлений, в которых дается юридическая оценка совершенному преступлению]. Изложенные полномочия, с точки зрения диссертанта, должны быть подкреплены возможностью прокурора опосредованно влиять на процесс сбора доказательств, если орган следствия бездействует или не проявляет достаточной активности в вопросах уголовного преследования [путем дачи письменных указаний о направлении расследования и установлении обстоятельств совершенного преступления], а также возможностью отмены избранной следователем (дознавателем) меры пресечения, в случае ее несоответствия тяжести обвинения, изменившегося вследствие надзорного вмешательства прокурора.

Приводится авторское обоснование ошибочности решения законодателя лишения прокурора права возбуждения уголовного дела.

Такая позиция автора, на наш взгляд, заслуживает всяческой поддержки.

Представляются интересными обоснованные Сычевым Д.А. критерии некомпетентности и бездеятельности органов расследования, основанные на отсутствии значимых результатов расследования, служащие поводом к опосредованному вмешательству прокурора в процесс сбора доказательств. Благодаря им, прокурор вмешивается в процесс расследования только после того как руководитель следственного органа (начальник подразделения дознания) имел возможность реализовать свою контрольную функцию, а следователь (дознаватель) при этом сохраняет полную свободу в определении тактики и методики расследования.

Диссертантом обоснован тезис об отсутствии необходимости наделения начальников органа и подразделений дознания статусом, аналогичным правовому статусу руководителя следственного органа.

Создав и для дознания автономно управляемую модель, законодатель практически полностью «разомкнет» надзорную функцию и функцию уголовного преследования, осуществляемые прокурором. Это добавит прокурорскому надзору формальности и одновременно лишит прокурора активных средств воздействия на формирующееся в ходе предварительного расследования обвинение. Такую позицию автора следует признать верной и аргументированной, поскольку ни судебный, ни ведомственный контроль не должны конкурировать с прокурорским надзором, следовательно (дознатель) обладать возможностью самостоятельно определять тактику и методику расследования, а надзорное реагирование прокурора по объему предоставленных полномочий не должно отличаться в зависимости от формы расследования. Реализация предназначения каждого из указанных видов деятельности будет способствовать достижению законности и справедливости в уголовно-процессуальной деятельности.

В то же время из автореферата представляется неясным, каков характер разработанных диссертантом алгоритмов осуществления и надзора и применительно к каким полномочиям прокурора они разработаны (к тем, которыми обладает прокурор сейчас или к тем, которыми предлагает наделить прокурора автор).

Диссертант обоснованно полагает, что с учреждением судебного контроля на предварительном следствии, надзорная деятельность прокурора отнюдь не становится излишней. В связи с чем говорит о том, что речь должна идти не о замене прокурорского надзора судебным контролем, поскольку в силу принципа состязательности эти два вида деятельности являются проявлением различных, несовпадающих процессуальных функций, а о разграничении предмета контроля и, в то же время, о взаимодействии различных видов контрольной деятельности. При этом на наш взгляд более детальной проработки требует практическая реализация в специальных нормах определенных диссертантом, принципов разграничения надзора и контроля в досудебном производстве по уголовному делу. Однако эти вопросы, на которые нет ответа в автореферате, возможно, освещены в самой диссертации.

Высказанные замечания не носят принципиального характера, затрагивающего ее фундаментальные, выносимые на защиту основы.

Это, скорее, пожелания, призванные усовершенствовать диссертационное исследование и стимулировать автора к продолжению в дальнейшем разработок в данном направлении.

В целом диссертация, судя по автореферату, представляет собой завершённое исследование, имеет структуру и содержание, соответствующую целям и задачам исследования. Материал изложен на достаточно высоком научном уровне в осмысленной последовательности, выводы аргументированы и представляют собой несомненный вклад в юридическую науку.

Все обозначенное выше позволяет констатировать, что работа Сычева Дмитрия Анатольевича на тему «Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процесса» отвечает требованиям части 2 пункта 9 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г., является научно квалифицированным, самостоятельным исследованием, имеющим важное теоретическое и практическое значение, а ее автор – Сычев Дмитрий Анатольевич заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09. «Уголовный процесс».

Контактные данные:

почтовый адрес: *г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34, 443086*
телефон: *357-99-63* e-mail: *срв-кафедра.ssu@yandex.ru*

Организация: *Самарский национальный исследовательский университет имени акад. С.П. Королёва*

Должность: *Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики*
Ученая степень: *доктор юридических наук* Подпись *[подпись]* Ф.И.О. (полностью)
Свейфер Святослав Александрович

Подпись заверяю

Отдел кадров

Должность:

Подпись *[подпись]* / *Минаев* Ф.И.О.
Минаев Ок печать

